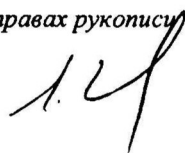

0- 770380

На правах рукописи

ГОЛИКОВ Леонид Михайлович

**РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук
профессор Судаков
Гурий Васильевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
профессор Малышева
Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук
Астахина
Людмила Юрьевна

Ведущая организация:

Мурманский государственный
педагогический университет

Защита состоится 8 апреля 2008 года в 15.30 на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 при Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160001, г. Вологда, пр. Победы, 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета

Автореферат разослан «6» марта 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437390

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук доцент

Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению терминологии процессуального и материального уголовного права XVIII в.

Историческое развитие специальной лексики, её статус и роль в развитии русского языка в целом является одной из важнейших проблем русистики. Реконструкция культуры, общественного устройства, правовых отношений невозможна без полного лексикологического описания языка. Несовершенство современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства отчасти зависит и от неполного знания истории подязыка русского права.

Лингвистический интерес к юридическим терминам зарождается во второй половине XIX в. (Л. Демис, Н.И. Горбачевский). В XX в. начался процесс лингвистического изучения языка юридических памятников (С.П. Обнорский, А.М. Селищев, М.А. Брицын, В.Н. Туркин, В.М. Живов, Н.Г. Благова, С.С. Волков, О.С. Мжельская, Н.В. Артыкуца, Е.К. Абрамова и др.). В конце XX – начале XXI вв., когда политические и социальные реформы потребовали новые законодательные нормы, проявляется интерес исследователей к подязыку права. Данный феномен рассматривается как естественный язык в роли средства юридической деятельности (Т.М. Бальхина, Ю.С. Ващенко, Н.А. Власенко, Н.Д. Голев, А.А. Денисова, Е.Б. Ершова, И.Я. Козаченко, М.Б. Кострова, А.П. Майоров, Е.А. Макшанцева, Е.В. Малюкова, Т.В. Моршакова, Р.И. Паисьева, Л.Н. Русинова, В.М. Савицкий, С.П. Хижняк, Т. Gizbert-Studnizki, Е.В. Неженец и др.).

Исследование терминологии права XVIII в. связано не только с формированием теории материального и процессуального уголовного законодательства, но и с общими проблемами развития языка XVIII в., которые рассматриваются в трудах В.В. Виноградова, Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой, Л.Л. Кутиной, А.И. Горшкова, Ю.С. Сорокина, В.М. Филипповой, В.М. Круглова, С.Д. Ледяевой и др. исследователей, посвященных проблемам формирования словарного состава русского языка, заимствования иноязычных наименований и развития фразеологии.

Таким образом, несмотря на известную степень изученности, проблема исследования языка XVIII в. продолжает оставаться актуальной, т.к. все сведения, касающиеся функционирования специальных наименований уголовного права в указанную эпоху, расширяют наши представления не только о состоянии и функционировании подязыка юриспруденции, но и общепотребительного языка этого периода.

Актуальность выбранной темы определяется обращением к таким проблемам лингвистики, как регулирующее влияние лексико-семантической системы общепотребительного языка и логической системы юридической теории на развитие подязыка уголовного права, как проблема терминологической номинации, терминологической фразеологии.

Анализ данного пласта специальной лексики представляется также актуальным в связи с особым интересом исследователей к подязыку права и истории подязыка права.

Терминология уголовного права XVIII в. является одним из аспектов законодательной техники, поэтому изучение подобных специальных наименований представляет интерес не только в лингвистическом, но и в юридическом плане: оно позволяет прояснить процесс законотворческой практики периода в истории России, когда становилось законодательство нового типа, просуществовавшее до 1864 г.

Цель настоящего диссертационного исследования – описание терминологической системы российского уголовного права XVIII в. в процессе её формирования.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить состав специальных наименований уголовного права XVIII в., произвести классификацию лексического материала на основе логической системы материального и процессуального уголовного законодательства;

- исследовать специальные наименования уголовного права с точки зрения времени и источника их происхождения;

- проанализировать характер терминологической мотивированности специальных наименований;

- описать семантическую структуру специальных наименований;

- охарактеризовать структуру лексического значения специальных наименований;

- определить деривационные связи и словообразовательные возможности специальных наименований;

- определить принципы системной организации специальных наименований уголовного права XVIII в.;

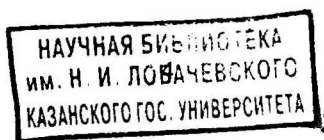
- охарактеризовать характер синтагматических связей специальных наименований уголовного права;

- выявить преемственность и новацию в употреблении специальных наименований уголовного права XVIII в.

Объектом исследования в работе является формирующаяся терминологическая система уголовного права XVIII в.

Предмет исследования – ономаσιологические, семасиологические характеристики специальных наименований уголовного права, происхождение и характер функционирования терминов в текстах уголовного законодательства XVIII в.

Хронологическими рамками работы является 1696 г. (начало самостоятельного правления Петра I) и 1800 г. (царствование Павла I)

Источниками, использовавшимися в настоящем диссертационном исследовании, послужили узаконения процессуального и материального уголовного права XVIII в., содержащиеся в «Полном собрании законов Российской Империи».

Материал извлечен методом сплошной выборки из источников, которые можно распределить по следующим группам в зависимости от юридической функции узаконения:

- кодификационные акты, являющиеся источником законотворческой и правоприменительной практики;
- указы (именные, сенатские), несущие приказной характер решения частных вопросов;
- судебные решения.

Анализ терминологии уголовного права XVIII в. произведен на материале 354 специальных наименований, включая варианты и составные наименования.

В ходе исследования привлекались данные толковых словарей XVIII, XIX вв., этимологических словарей, материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII в., хранящейся в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), а также различные исследования, посвященные законодательству XVIII в.

Ведущими методами в диссертационном исследовании послужили описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный, включающие в себя приемы: анализ этимологии, ономаσιологический анализ, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ лексической семантики, лексикографический анализ, контекстуальный анализ, парадигматический и синтагматический анализ.

Производимый в исследовании анализ специальных наименований уголовного права XVIII в. состоит из их этимологической, ономаσιологической, семасиологической и синтагматической характеристики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В XVIII столетии подъязык уголовного права характеризуется славянизацией (окнижнением) и активным заимствованием иноязычной лексики. Специальные наименования, созданные по славянским образцам, и иноязычные заимствования послужили основой для формирования терминосистемы уголовного права XVIII в.

2. Воздействие системы понятий уголовного права XVIII в. определяет типизацию ономаσιологических (специальные наименования представляются терминологически мотивированными) и семасиологических свойств (набор семантических признаков термина зависит от места номинируемого понятия в логической системе) специальных наименований уголовного права XVIII в., а также формализацию их синтагматических свойств (появляются общие для терминологических групп схемы функ-

ционирования специальных наименований в текстах уголовного законодательства XVIII в.).

3. Лексико-семантическая система общеупотребительного языка определяет наличие в формирующейся терминосистеме уголовного права XVIII в. общезыковых лексических связей (явления синонимии и полисемии), в той или иной степени противоречащих принципам построения терминологической системы.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней:

- впервые объектом исследования становится терминология процессуального и материального уголовного права XVIII в.;

- рассматривается функционирование юридической терминологии как основного признака подязыка права в соответствии с развитием литературного языка XVIII в. и преобразованиями в сфере российского законодательства.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в выявлении специфики функционирования терминологии уголовного права XVIII в., что позволяет воссоздать динамику историко-языковых процессов в специальной лексике, определить особенности процесса формирования терминологических систем национального языка, решить вопрос об истории развития подязыка права как одной из подсистем естественного языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в разработке вузовских курсов по исторической лексикологии и историческому терминоведению, спецкурсов и спецсеминаров по истории подязыка права, курсов истории языка и лексикологии в средних учебных заведениях, в написании дипломных и курсовых работ.

Материалы исследования имеют практическую значимость для лексикографической практики.

Апробация работы осуществлялась в виде докладов и сообщений на XXXIV Международной филологической конференции, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 14 – 17 марта 2005 г.; во Всероссийской Академической школе-семинаре «Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии», г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 19 – 21 октября 2005 г.; на II Всероссийской научной конференции «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XIX», г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени, 17 – 20 октября 2006 г.; на XX чтениях памяти Ю.С. Сорокина и Л.Л. Кутиной, г. Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 30 марта 2007 г.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в шести публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, которое включает указатель специальных наименований, в том числе вариантов и составных наименований, списки литературы, источников и словарей с указанием сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности темы диссертации, ее научной новизны, теоретической и практической значимости. Определяется объект исследования, формулируются цели и задачи работы, положения, выносимые на защиту, дается описание методов исследования, характеристика источников, содержатся сведения об апробации работы.

Предварительно раскроем некоторые теоретические вопросы.

Исследование терминологии уголовного права XVIII в. связано с проблемой развития национальных подязыков, которые рассматриваются в рамках исторического терминоведения как самостоятельной области лингвистической науки. Для данной отрасли знаний важно исследование зависимости структуры групп терминов от состояния той теории, которую обслуживает терминология; движения терминологии к терминосистеме.

В течение XX в., когда резко возросло количество специальных наименований, возникла и приобрела значительный вес теория языков для специальных целей (ЯСЦ), наиболее адекватно раскрывающая языковую природу специальных наименований, специфику формирования и развития терминосистем (А.И. Комарова, В.М. Лейчик, А.В. Суперанская и др.).

В отечественной традиции в конце 60-х годов сложилось понятие «подязык», в целом совпадающее с принятым на западе понятием ЯСЦ. Существуют разные определения подязыка. Если встать на позиции исторического терминоведения, «подязыком... следует считать особую функционально и тематически ограниченную форму существования общенародного (а с XVII в. – единого национального) языка, его функциональную подсистему, которая противопоставлена другим формам языка (литературному, народно-разговорному, просторечию, территориальным и социальным диалектам) по ряду признаков»¹.

Особым условием для существования подязыка становится наличие отношений, в первую очередь системных, между специальными лексическими единицами и их совокупностями, отражающих состояние той области знаний, которую данный подязык обслуживает. О.В. Фельде (Бор-

---

¹ Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение русского языка. – Красноярск, 2000 – С. 75-76.

хвалдт) выделяет три слоя в составе подязыков XVIII - XIX вв.: профессиональный диалект, терминологию, зачатки терминосистемы.

Понятия «терминология», «терминосистема» разные ученые определяют по-разному. Одни их не различают (Б.Н. Головин, Л.А. Капанидзе), другие (К.Я. Авербух, Т.Л. Канделаки, В.М. Лейчик) показывают, что «между двумя типами совокупностей столько же сходных, сколько и различных признаков; главные различия состоят в том, что терминологии складываются, а терминосистемы конструируются»¹. Основным отличием терминологий является то, что специальная лексика в их составе организуется по принципам общенародного языка. Т.е. в терминологиях происходит объединение наименований в лексико-семантические группы (ЛСГ), наблюдается избыточность наименований (наличие синонимии), полисемантическая специальных наименований, отсутствуют однородность, цельность и замкнутость как отдельных ЛСГ, так и терминологий в целом. Именно поэтому исследователи отказывают подобным наименованиям в достаточной терминологичности (В.М. Лейчик, Н.Б. Мечковская, В.Н. Прохорова, Л.П. Рупосова, Г.П. Снетова).

Ряд исследований (Л.Л. Кутина, Н.Б. Мечковская, Т.И. Панько и др.) показывает, что формирование терминосистемы – достаточно сложный и длительный языковой процесс. Объясняется это тем, что на этапе становления терминосистемы происходит постепенное освобождение от регулирующего воздействия лексической системы языка в целом и ее отношений. Однако формирующаяся терминосистема (также зрелая терминосистема) в свою очередь постоянно испытывает влияние языка, которое сдерживает установление изоморфизма системы терминов и системы понятий². Также немаловажную роль играет сложность процесса становления системы понятий и, соответственно, сложность самой терминосистемы (терминосистемы являются многоуровневыми организациями, состоящими из целого ряда подсистем).

Для формирования терминосистем необходимо соблюдение некоторых условий. В первую очередь, это наличие специальной области, имеющей достаточно четко очерченные границы; далее наличие системы общих понятий, относящихся к данной области; наличие достаточно строгой теории (концепции), описывающей эту область, так что система понятий целиком входит в теорию (концепцию); а также наличие определенного естественного языка и сложившегося в его рамках подязыка, лексические единицы

---

¹ Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М., 2006. – С.183.

² Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 82-94.

которого могут быть использованы для обозначения понятий (объектов и их признаков) данной системы понятий¹.

Понятие «формирующаяся терминосистема» было использовано Л.Л. Кутиной в работе «Языковые процессы, возникающие при становлении научно-технической терминологии» (1970). Автор подчеркивает тесное родство терминологических систем с лексико-семантической системой языка прежде всего по материальному составу единиц. Именно поэтому выбор специальных знаков традиционен, а не конвенционален. Принципиально термин и слово общего языка отличаются содержательной стороной и системными характеристиками, определяющими принадлежность этих единиц к различно организованным системам². Следовательно, процесс формирования терминосистемы представляет собой процесс приобретения лексическими единицами, номинирующими специальные понятия, особых семасиологических и системных характеристик.

Во-первых, постепенно усиливающееся влияние системных отношений, устанавливаемых номинированной теорией, изменяет качество терминологии как языковой системы. Формирование терминосистемы связано с развитием особых семантических характеристик слов-терминов и связей особого рода между элементами терминологического множества, а именно: парадигматических, среди которых следует выделить гипергипонимические, партитивные связи, синтагматических и деривационно-ассоциативных. Данные связи, характер которых обусловлен не только языковыми, но и логическими законами, призваны обеспечить адекватность системы понятий и системы наименований.

Во-вторых, преодолевается множественность терминологического обозначения того или иного понятия.

В-третьих, целенаправленная формализация подязыка разрушает (более или менее успешно) полисемантическую специальных наименований..

В целом можно сказать, что формирование терминосистемы – процесс не стихийный, а сознательный, связанный с систематизацией знаний той или иной специальной сферы, заключающийся в постепенном освобождении от регулирующего воздействия лексико-семантической системы общенародного языка и установлении специфических системных отношений, определяемых теорией. При этом степень успешности установления данных системных отношений на различных участках терминосистемы различна, что является следствием непрекращающегося влияния общенародного языка.

В современной науке существуют множество подходов (философско-гносеологический, логический, семиотический, информационный, лин-

---

¹ Лейчик В.М. Указ. соч. - С. 119.

² Кутина Л.Л. Указ. соч. - С. 83.

гвистический, терминоведческий, когнитивный) к определению понятия «термин», демонстрирующих многоаспектность данного явления. Представляется, что наиболее важным в современных терминоведческих работах является понимание термина как особого объекта, отличного от лексических единиц как объекта лингвистики. Поэтому в реферируемом исследовании принимается определение, предложенное В.М. Лейчиком, который представляет термин как лексическую единицу ЯСЦ, обозначающую общее (конкретное или абстрактное) понятие теории специальной области знаний или деятельности. Такой подход позволяет рассматривать термины как особые слова (слова, являющиеся принадлежностью подязыков, элементами терминосистем, и обозначающие общие специальные понятия).

В исследованиях, посвященных истории специальных наименований, ставится проблема природы термина XI – XIX вв. Отмечается, что специальная лексика донационального периода не обладает достаточной степенью терминологичности, так как у терминов данной эпохи отсутствует такой важный признак, как дефинитивность (В.Н. Прохорова, Л.П. Рупосова, Л.А. Шкатова). Данное обстоятельство приводит к тому, что возникает необходимость разграничивать специальную лексику (древнерусский язык) и терминологию (современный язык) (В.Н. Прохорова). Подобное разграничение подтверждается также тесной связью термина с общеупотребительной лексикой, отсутствием у него специфичности (однозначности, отсутствия экспрессивности, эмоциональной окраски, краткости, точности, семантической предельности и др.) и тех системных регуляторных связей, которые присущи термину в его современном состоянии (Г.П. Снетова).

Термины, в том смысле, который мы вкладываем в это слово сейчас, возникают с конца XVII – начала XVIII вв., «когда появляются первые научные сочинения, учебные пособия и словари, отражающие специальную лексику, а сами сферы употребления специальной лексики (подязыки промыслов, ремёсел, занятий, различных сфер, общественной жизни и научных знаний) получают известное развитие в силу экстралингвистических и интралингвистических причин»¹.

В первой главе **«Терминология процессуального уголовного права XVIII в.»** описывается развитие терминологических групп данной области законодательства.

В период становления абсолютистского государства российское процессуальное право сделало большой шаг вперед. Практически полностью был ликвидирован состязательный процесс. Именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску...», который был дополнен «Кратким изображением процессов, или судебных тяжб» (1715 г.) – первым в истории русского

---

¹ Борхвальдт О.В. Указ. соч. – С. 45.

законодательства процессуальным кодексом, решительно утвердил в начале XVIII в. принципы розыскного суда.

Процессуальное законодательство XVIII в. дает определения важнейших процессуальных институтов и понятий, четко классифицирует процессуальные явления и действия, выделяет предварительное и судебное следствие, определяет виды и состав суда, подсудность каждого вида судопроизводства и подразделений суда. В XVIII в. предусматривается сложный комплекс процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств (различные виды допросов и изъятие вещественных доказательств), принудительных действий по обеспечению нормального хода розыска на этапе предварительного следствия (ограничение свободы подозреваемых в совершении преступления), определяется четкая система доказательств. На протяжении всего XVIII в. развивается судебная система и структура правоохранительных органов, непрестанно сменяющих друг друга (Разбойный приказ, Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Сыскай приказ, Розыскная экспедиция, регулярная полиция), организуются учреждения надзора (фискалитет, прокуратура).

Процессуальная деятельность состоит из множества отдельных действий. Их классификация основывается на цели уголовно-процессуального действия. В XVIII в. выделяются действия по собиранию доказательств и принудительные действия по обеспечению нормального хода розыска.

Родовыми номинациями для обозначения действий по собиранию доказательств и способов их собирания послужили наименования *розыск* (*розыскание* (-ье)), *исследование*, *следствие* (*следование*).

Розыскной процесс (следствие) направлен на сбор и проверку любой информации, так или иначе относящейся к расследуемому делу. В XVIII столетии существовало два вида способов сбора и проверки подобных сведений: насильственные или связанные с угрозой применения насилия розыскные действия и ненасильственные розыскные действия. Соответственно, мы можем выделить две группы специальных наименований, структуру ЛЗ которых характеризует наличие или отсутствие признака 'физическое насилие, истязание'.

Первоначально все-таки применялись ненасильственные методы, среди которых можно выделить допрос, очную ставку, обыск, выемку. Данные понятия были знакомы процессуальному уголовному праву до периода становления абсолютизма, однако петровские преобразования в области законодательства несколько изменили их содержание или порядок применения, в связи с этим некоторым образом изменился и характер функционирования специальных наименований, обозначающих подобные процессуальные действия (*допрос* (*допрошение*, *допрашивание*), *распрос*, *очная ставка*, *обыск* (*обыскание*, *обыскивание*), *выемка*).

Карающий характер уголовного права XVIII в. предполагал не только суровое наказание, но и жестокие методы проведения следствия, которые подразумевали истязание обвиняемого или угрозу применения физического насилия. Среди подобных методов собирания доказательств выделялись допрос с пристрастием¹ (*распрос с пристрастием, пристрастный распрос, пристрастный допрос*) и пытка (*пытка (пытание)*), применявшиеся когда обвиняемый не признавал своей вины.

Процесс собирания и проверки доказательств сопровождался принудительными действиями, которые обеспечивали нормальный ход следствия, то есть гарантировали реализацию самого следственного процесса и устраняли противодействие со стороны обвиняемых лиц. Подобные действия обозначались специальными наименованиями *сыск (сыскание, сыскивание), поимка, привод (приведение), арест (арестование, заарестование), задержание (задерживание)*, сочетаниями глаголов *быть, взять, держать, сажать, содержать* и т.д. с наименованиями *караул, стража*.

Терминологическая группа наименований уголовно-процессуальных действий в XVIII в., в основном, формируется за счет праславянского, общеславянского и собственно русского лексических фондов (*допрос, распрос, очная ставка, обыск, выемка, пристрастный распрос, пытка, сыск, поимка, привод*), заимствования незначительны (*арест, караул*). Момент возникновения данных наименований или ЛСВ со специальным значением приходится, преимущественно, на XVII в., за исключением заимствований (XVIII в.).

Выбор лексем для номинации уголовно-процессуальных действий объясняется их ономаσιологической характеристикой, а именно способностью структуры слова формировать ономаσιологическую категорию² процессуального действия (предельного, завершенного, имеющего субстанциональный характер действия) (*розыск, допрос, распрос, обыск, сыск, привод, поимка*). Если термин имеет многокомпонентную словесную структуру, то данная категория осложняется значением охарактеризованности действия (*повальный обыск; очная ставка; пристрастный допрос; взять под стра-*

---

¹ «Сей распрос такой есть, когда судья того, на которого есть подозрение и оный добровольно повиниться не хочет, пред пыткой спрашивает, испытывая от него правды и признания в деле» (Полное собрание законов Российской Империи. Т. V. – СПб., С. 403).

² Ономаσιологическая категория в отечественном языкознании понимается как наиболее общий тип формирования содержания по отношению к его выражению в языке. Ономаσιологическая категория формируется при соотношении ономаσιологического признака, указывающего на видовые характеристики, выделяющие предмет среди класса, и ономаσιологического базиса, указывающего на родовое понятие (Я. Горещкий, Е.С. Кубрякова, Л.А. Шкатова).

жу, под караул). Таким образом, все члены формирующейся подсистемы (кроме *арест*) можно считать терминологически мотивированными¹.

Наименования уголовно-процессуальных действий в подязыке уголовного права XVIII в. преимущественно являются многозначными лексическими единицами, семантическая структура которых реализует

1) гипер-гипонимические отношения (*розыск* как родовое наименование процессуального действия и как наименование допроса с применением физического насилия; *сыск* как родовое наименование процессуального действия и как наименования действия по установлению местонахождения преступника);

2) симулятивные связи (*арест* как наименование действия по заключению под стражу и как наименование действия по наложению запрета на чью-л. собственность; *обыск* как наименование опроса свидетелей преступления и как наименование осмотра кого, чего-л. с целью изъятия доказательств преступления; *привод* как наименование принудительного доставления в следственные органы подозреваемого лица или свидетеля и как родовое наименование доказательства);

3) регулярную полисемию, основанную на метонимических переносах (Ю.Д. Апресян) (*следствие*, *сыск*, *допрос*, *обыск* как наименования процессуальных действий (действие) и как наименования процессуальных документов (результат действия)). При этом на протяжении XVIII и XIX столетий наблюдается разрушение порождающих множественность наименований гипер-гипонимических (например, в 1-ой половине XVIII в. термин *розыск* теряет значение особого вида уголовного процесса (ср. САР¹ III, 338; САР² V, 1069), в XIX в. исчезает употребление *розыск* как наименования допроса с применением физического насилия (Даль IV, 55); также – термин *сыск* (Словарь Академии Российской определяет значение «...то же, что изследование» как устаревшее (САР¹ III, 339-340; САР² VI, 637)) и симулятивных связей (например, *привод* уже во второй половине XVIII в. выходит из употребления как наименование доказательства). Регулярная полисемия оказывается более устойчивой.

Наименования уголовно-процессуальных действий обладают схожей структурой ЛЗ (наличие одинаковых архисем и прагматического компонента²), которая является некоторой проекцией места номинируемого по-

¹ «Терминологическая мотивированность связывает, соединяет форму термина с его семантикой и с семантикой и формой других терминов, входящих в терминосистему» (Лейчик В.М. Указ. соч. – С. 27.). Терминосистема ищет формальные элементы (терминоэлементы (В.П. Даниленко)), способные придать производному наименованию статус термина.

² Прагматический компонент ЛЗ юридического определяется нормативной оценкой, наличие которой обусловлено спецификой называемого юридического понятия (Е.А. Макшанцева). В основе номинации терминов уголовного закона лежит этическая категория, норма морали. Вследствие этого в прагматическом компоненте выделяется нормативная оценка (Н.Д. Ару-

нения в теории уголовного права: чем сложнее понятие, тем значительней набор дифференцирующих семантических компонентов. Структура ЛЗ специальных наименований, обладающих книжной (славянизированной) формой, также заимствований (*следствие, исследование, арест*) содержит функционально-стилистический компонент (Н.Е. Сулименко), т.е. сему 'специальное, юридическое'. Структура ЛЗ специальных наименований *распрос с пристрастием, пристрастный распрос, пристрастный допрос, пытка* включает эмотивную сему 'чувство страха, ужаса', наличие которой объясняется эмоциональной реакцией объекта процессуального закона на действия государства. Ужас обвиняемого перед непереносимой физической болью представлял себе даже законодатель (ср. «*Обвиняемый, терпящий пытку, не властен над собой в том, чтоб он мог говорить правду. Можно ли больше верить человеку, когда он бредит в горячке, нежели когда он при здравом рассудке и в добром здоровье? Чувствование боли может возрасти до такой степени, что, совсем овладев всею душою, ни оставить ей больше никакой свободы производить какое-либо ей приличное действие, кроме как в то же самое мгновение ока предпринять самый кратчайший путь, коим бы от боли избавиться. Тогда и невинный закричит, что он виноват, лишь бы только мучить его перестали*»¹).

Также можно выделить у членов рассмотренной группы терминов схожую схему реализации деривационных (реализуется принцип семантической мотивированности: процессуальное действие – субъект процессуального действия – процессуальный документ, объект процессуального действия (*обыск – обыщик – обыскные речи; выемка – выемщик – выемочное питье; привод – приводчик – приводные люди*)) и синтагматических возможностей (атрибуция действия (*подлинный (-ое) розыск, исследование; пристрастный распрос; жесточайшая пытка; скорейший сыск, скорая поимка; первой привод; напрасное задержание*), инициация действия (*чинить, учинить розыск, исследование, выемку, задержание; производить допрос, обыск, пытку; взять под арест*), объект действия (*допрос преступников; обыск оговорного; сыск воров; поимка изменника; привод зажиточных; задержать гражданина*)).

Уголовно-процессуальное законодательство XVIII в. («Краткое изображение...») дает общее учение о доказательствах и определяет их систему. По сравнению с представлениями Соборного Уложения она является достаточно стройной. Определяется набор возможных доказательств, которые классифицированы в законе по степени их ценности (от наиболее ценного к наименее): «...на четыре образа бывают доказы: 1. Чрез свое-

---

твенная), рациональная по своей природе, явившаяся результатом сознательного регулирования жизни общества.

¹ Полное собрание законов... Т. XVIII. – СПб., 1830. – С. 225.

вольное признание. 2. Чрез свидетелей. 3. Чрез письменные доводы. 4. Чрез присягу»¹.

В текстах уголовного законодательства XVIII столетия в качестве родовых номинаций доказательств использовались специальные наименования *улика* (уличение), *довод*, *привод*, *доказательство* (доказ, доказание, доказывание). Для обозначения различных видов доказательств использовались следующие термины: *признание* (сообщение обвиняемого о совершенном преступлении); *показание* (показательство), *свидетельство* (свидетельские показания); *донос* (доношение), *язычная молка* (молвка) (устное или письменное сообщение о совершенном или готовящемся преступлении); *письменный (-ое) довод*, *свидетельство*, *доказательство*; *расспросные*, *допросные*, *обыскные*, *пыточные речи*; *допрос*, *обыск* (письменные доказательства); *присяга* (присяга).

Группа специальных наименований доказательств в подъязыке уголовного права XVIII в. характеризуется строгими парадигматическими связями, непосредственно зависящими от развития теории доказательств в период петровских преобразований.

Появляется общеродовой термин *доказательство*, который своими структурными, семасиологическими и функциональными особенностями полностью отвечает требованиям формирующейся терминосистемы процессуального уголовного права.

Формируется ономасиологическая категория субстантивированного предельного действия, которая характеризует наименования видов доказательств в подъязыке процессуального уголовного права XVIII в. Структура составных специальных наименований, называющих письменные доказательства формирует категорию охарактеризованного результата действия.

Типизируется структура специального ЛЗ, которая у видовых наименований осложняется гипосемой 'источник доказательства'.

Наименования доказательств в текстах уголовного законодательства XVIII в., реализуя принцип семантической мотивированности, функционируют в ряду доказательство – источник доказательства (*довод – доводитель; доказательство – доказатель; показание – показатель; лжесвидетельство – лжесвидетель; донос – доноситель*).

Определяются языковые юридические формулы: атрибутивные сочетания, называющие качество доказательства (*личные, словесные улики; явной довод; ясное доказательство; чистосердечное признание; ложное показание; твердое свидетельство; ложное свидетельство; справедливый донос; ложный донос; лживая присяга; ложная присяга*), вид доказательства (*письменный (-ое) довод, доказательство, свидетельство*) (данные сочетания в формирующейся терминосистеме функционируют как составные

¹ Полное собрание законов... Т. V. – СПб., 1830. – С. 393.

специальные наименования, позволяя наиболее адекватно обозначать существующую теорию доказательств); объектные сочетания, называющие субъект или объект доказывания (*улики обидам; доказательство преступления; признание в винах; показание во взятках; от ответчика показания; доносителей доношение*); а также фразеологические сочетания, называющие действие, инициирующие доказательства (*сыскать доказательство; чинить свидетельство; учинить доношение, присягу; привести к присяге*).

В целом мы можем говорить об определении основных языковых признаков и принципов функционирования терминов процессуального уголовного права XVIII в., называющих доказательства.

Уголовный процесс XVIII в. завершается стадией судебного разбирательства. Собственно в процессе судопроизводства происходит рассмотрение совершенного преступления (время, место, способ и др.), анализ доказательств, определяющих степень виновности подсудимого, характер и размер ущерба и т.д. Закон XVIII в., в отличие от законодательства предыдущих периодов, достаточно четко определяет форму уголовного судопроизводства, содержание стадий судебного разбирательства и в целом структуру судебной власти.

Преобразования XVIII столетия в области судопроизводства и системы судебных органов значительно изменили количественный состав и качественные признаки терминов, называющих понятия «судопроизводство» и «судебное решение».

Основанием для привлечения лица к суду являлись различные виды доказательств вины, собранные в результате комплекса уголовно-процессуальных действий. Само привлечение к судебной ответственности в уголовном законодательстве XVIII столетия понималось как обвинение. Данное понятие обозначалось наименованием *обвинение*.

В формирующейся терминосистеме для обозначения базовых понятий процессуального права, сохраняется древнейшее наименование *суд* ('судопроизводство', 'судебное заседание', 'судебный орган', 'состязательная форма уголовного процесса'), которое выступает в качестве ономаσιологического базиса в структуре целой серии составных специальных наименований, формирующих систему наименований судебных органов (ср. *уголовный, военный, нижний, вышний, польский, военный, уездный, городской, земский, третейский, генеральный, совестный, словесный суд* и др.). Подъязык уголовного законодательства в XVIII в. приобретает такие важные термины, как *судопроизводство* ('порядок рассмотрения дел'), и *правосудие* ('судебная деятельность, основанная на действующем законодательстве').

Наряду с наименованиями, относящимися к общеславянскому и собственно русскому лексическому фонду, в XVIII столетии активно функционируют иноязычные заимствования (ср. *кригсрехт, процесс, сентенция*).

Судебные решения в подъязыке уголовного права называли термины *решение, приговор (приговорение, приговаривание), сентенция*.

Наименования судебного процесса различны по своим семасиологическим характеристикам: термин *суд* обладает сложной семантической структурой, реализующей тип регулярной полисемии 'действие' ('процессуальное действие') - 'способ действия' ('форма уголовного процесса, порядок рассмотрения дел') - 'субъект действия' ('субъект уголовного процесса'); семантическая структура термина *кригсрехт* реализует тип регулярной полисемии 'действие' ('процессуальное действие') - 'субъект действия' ('субъект уголовного процесса'), который развивается оттенком значения 'судебное определение' ('результат уголовно-процессуального действия'); термин *процесс* функционирует как однозначное наименование. Данное обстоятельство объясняется традицией употребления (*суд*), а также особенностями функционирования наименований *кригсрехт, процесс* в языках-источниках.

Структура специального ЛЗ данных наименований характеризуется наличием нормативной оценки и функционально-стилистической маркированности.

В целом наблюдаются процессы влияния логической системы на группу наименований судебного процесса и судебных решений: типизируется структура специального ЛЗ, определяются виды терминологических сочетаний, формируется традиция употребления отдельных наименований.

Терминология процессуального уголовного права XVIII в. характеризуется неоднородностью семасиологических, ономасиологических и функциональных признаков специальных наименований разных терминологических групп. Причиной этому послужили неоднородность и несовершенство теории уголовного процесса. При общей характеристике данной терминологии мы можем констатировать лишь те моменты, которые присущи для всех терминологий, развивающихся в данный период. Поэтому мы вынуждены говорить не о формировании единой терминосистемы, а о развитии отдельных терминологических групп, объединенных общими условиями функционирования.

Во второй главе «**Терминология материального уголовного права XVIII в.**» рассматриваются специальные наименования преступлений и наказаний как формирующаяся терминологическая система.

Нормы материального уголовного права XVIII в. впервые были представлены в кодифицированном акте «Артикул воинский» (1715 г.), который некоторым образом дополняется нормами уголовного права «Устава морского» (1720 г.). Несмотря на то обстоятельство, что данные акты предназначались для военнослужащих и заключали в себе также положе-

ния военно-уставного характера, они достаточно активно использовались в общей судебной практике XVIII – начала XIX вв.¹ Петровское уголовное законодательство было настоящим прорывом в области уголовного права: определяются понятия «преступление» (то, что нарушает закон, а также волю монарха), «форма участия в преступном деянии», «стадия совершения преступления», «отягчающие и смягчающие вину обстоятельства».

Уголовное законодательство петровской эпохи более четко, по сравнению с предыдущими периодами, определяет санкции. Целью наказания остается месть преступнику за совершенное деяние, однако главной задачей становится устрашение, что определяет предельную жестокость кары.

В послепетровскую эпоху расцвета абсолютизма «специально уголовных законов было издано немного»². Зачастую нормы уголовного права содержались в более широких актах. Подобным актом является «Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения» Екатерины II (1767 г.). Наказ кладет в основу уголовного закона европейскую теорию естественного права, определяющую основные юридические принципы. Прежде всего, это принцип всеобщности закона и правового равенства. В связи с этим Екатерина II вынуждена была дать рекомендацию составителям Уложения по написанию нового закона: «Законы должны быть писаны простым языком...»³. Наказ четко формулирует понятие «преступление», включающее действие, которое «может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу»⁴. Наказание как государственная мера, установленная законом, имеет цель сохранить законы, тем самым имеет охранительные и воспитательные функции. Само же наказание определяется как «стыд и страх поношения»⁵, тем самым утверждаются принципы гуманизма и справедливости, на основании которых смертная казнь и физические истязания применяются только в исключительных случаях, а в целом наказание соответствует совершенному деянию. Также Наказ формулирует принцип неотвратимости наказания как основное средство предупреждения преступлений.

Однако Наказ не получил применения на практике, работа комиссии по созданию нового Уложения оказалась бесплодной.

В целом в XVIII столетии оформляется понятие «уголовно-правовая норма», которая, как и в современной юридической науке, определяется трехчастной композицией, включающей в себя гипотезу, диспозицию, санкцию. Термины материального уголовного права XVIII в. являются обо-

---

¹ Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 730.

² Российское законодательство X - XX вв. Т. 5. – М., 1987. – С. 419.

³ Полное собрание законов... Т. XVIII. – СПб., 1830. – С. 217.

⁴ Там же. – С. 197.

⁵ Там же. – С. 203.

значением компонента законодательной нормы: диспозиции или санкции. При этом в тексте закона специальные наименования функционируют по принципу причинно-следственной связи, то есть преступное деяние всегда предусматривает наказание, а наказание не назначается без условия вменения (ср. «*О немешании пеньки доброй с худой и о наказании за нарушение сего правила*»¹; «*Об учиненной самозванцу Миницкому и его сообщникам казни*»²).

В данной главе анализируется функционирование в формирующейся терминотерминологической системе наименований, 1) которые являются новообразованиями XVIII в. и 2) которые наиболее наглядно демонстрируют общий ход развития терминологии уголовного права.

В качестве родовых номинаций, характеризующих преступное деяние в целом, использовались термины *воровство*, *преступление* (*преступство*, *преступок*, *преступничество*), *злодейство* (*злодеяние*). Несмотря на утрату общеродового значения термина *воровство*, сохраняется явление множественности наименования. Терминами-гиперонимами избираются наименования *преступление*, *злодейство*. Их ономазиологические, семасиологические и функциональные особенности оказывают решающее влияние на развитие и функционирование группы видовых наименований преступлений в подязыке уголовного права XVIII в.

В реферируемом исследовании рассматриваются видовые специальные наименования преступлений *государево слово и дело*, *бунт* (*бунт*, *бунтование*, *бунтовство*), *возмущение*, *взятка* (*взятки*, *взятие* (*ье*)), *мошенничество*, *дезертирование*.

В целом наименования преступлений в подязыке уголовного права XVIII в. — одна из наиболее молодых и динамично развивающихся терминологических групп, в которую входят преимущественно образования, в том числе и семантические, XVII — XVIII вв. Основу для формирования подсистемы составили термины, имеющие южнославянское происхождение (*преступление*, *злодейство*, *мошенничество*, *дезертирование*)³. Отмечается вхождение в подязык уголовного законодательства заимствований из западноевропейских языков (*бунт*, *дезертировать*, *дезертир*). Данные заимствования зачастую функционируют в одном контексте со своими славянскими аналогами (ср. «...о бунте и возмущении упомянуто...»⁴), также образуют наименования, структура которых способна формировать онома-

¹ Полное собрание законов... Т. V. - СПб., 1830. - С. 203.

² Полное собрание законов... Т. X. - СПб., 1830. - С. 608.

³ По мнению В.О. Петрунина, подобные наименования могли иметь западнорусское происхождение.

⁴ Полное собрание законов... Т. V. - СПб., 1830. - С. 360.

сиологическую категорию аномального действия (*бунтование, бунтовство, дезертирование*).

Происходит расширение круга терминов за счет составных специальных наименований, называющих вид преступления. Данные наименования, характеризующиеся сложной структурой (до шести словесных компонентов), способной адекватно называть дифференциальные признаки аномального действия, образуют антонимические (*малое преступление – великое, тяжкое, важнейшее преступление*) и гипер-гипонимические ряды (*уголовное преступление – уголовное преступление личное, против обитания, против имени, лжизаго поступка, против общаго правосудия, против народной тишины, против общей народной торговли, против общенароднаго здоровья*).

Структура специальных наименований преступлений формирует ономазиологические категории, выражающие различные виды отношения к аномальному действию (категория предельного (аномального) действия, представленного в виде события (*преступление, возмущение*); категория (аномального) действия, представленного в виде события (*злодейство, воровство, мошенничество, дезертирование*); категория субъекта предельного (аномального) действия (*преступник, возмутитель, взяточник*); категория субъекта (аномального) действия (*злодей, мошенник*)).

Структура специального ЛЗ термина уголовного права XVIII в., как уже указывалось, является проекцией места номинируемого понятия в логической системе: структура сигнификативного компонента видовых терминов осложняется наличием гипосем, количество которых напрямую зависит от положения данного вида преступления в общей иерархии.

Специфика обозначаемой ситуации правового регулирования событий, связанных с совершением преступного деяния, определяет развернутые деривационные отношения внутри формирующейся подсистемы: функционируют однокоренные обозначения аномального действия, его субъекта, а также его относительного признака (*воровство – вор – воровской; преступление – преступитель – преступный; злодейство – злодей – злодейственный; бунт – бунтовник – бунтовский; возмущение – возмутитель – возмутительный; мошенничество – мошенник – мошеннический*); определяется типичная схема синтагматических связей и отношений (атрибутивные сочетания, называющие вид преступления (*воровство со взломом; тяжкое преступление; уголовное преступление; умышленное злодеяние; ночной бунт; немалая взятка; мошенничество ценою ниже 20 рублей*)); объектные фразеологические сочетания, называющие действие, инициирующее преступление (*чинить, учинить воровство, преступление, злодейство, мошенничество; возмущение бунта; брать взятку*).

Ведущим родовым наименованием понятия «мера государственного принуждения» в уголовном законодательстве XVIII в. является термин

наказание. Также активно функционировали специальные наименования *казнь*, *штраф* (*штрафование*), *эзекуция*. Термины *наказание* и *казнь* в текстах уголовного законодательства XVIII в. противопоставляются: *казнь* ассоциируется с более жестокими наказаниями (смертные, телесные, сопряженные с лишением гражданских прав и каторжными работами)¹; *наказание* является наиболее часто употребляемым наименованием понятия «мера государственного принуждения».

Вхождение в подязык уголовного законодательства иноязычных заимствований *штраф*, *эзекуция* объясняется общей тенденцией развития русского языка начала XVIII в., при этом употребление общеродового термина *эзекуция* является недостаточно частотным (нами выявлено 19 примеров употребления на протяжении всего столетия). Термин *штраф* постепенно избавляется от гиперонимической функции, все чаще обозначая денежное наказание.

В качестве видовых наименований наказаний рассматриваются термины *заключение*, *ссылка* (*сослание*, *отсылка*, *посылка*), *шельмование*, *политическая смерть*, *конфискация* (*конфискование*).

Формирование группы наименований наказаний происходит в XVII – XVIII вв., при этом во времена Соборного Уложения и Новоуказных статей происходит спецификация общеупотребительных значений (*ссылка*, *наказание*, *заключение*), в период правления Петра I – вхождение иноязычных заимствований (*штраф*, *эзекуция*, *конфискация*).

Структура специальных наименований наказаний формирует ономазиологические категории, выражающие различные виды отношения к действию, восстанавливающему норму (категория предельного действия, восстанавливающего норму (*наказание*, *заключение*, *ссылка*); категория действия, восстанавливающего норму (*казнь*, *шельмование*, *дезертирование*); категория объекта предельного действия, восстанавливающего норму (*заключенный*, *сосланный*, *ошельмованный*)).

Семантическая структура наименований наказаний, помимо гиперонимических отношений (*казнь*, *штраф*), свойственных всем группам терминов уголовного права, может реализовывать тип регулярной полисемии 'действие' ('наказание') - 'место действия' ('место наказания') (*заключение*, *ссылка*).

Общим для всех рассмотренных терминов уголовного права является наличие прагматического, определяемого оценочной семой 'законно' - 'незаконно', и функционально-стилистического компонентов, зависящего от степени терминологизации наименования. Специальные наименования наказаний включают в структуру ЛЗ эмоциональную оценку, обусловлен-

---

¹ Материалы для старинной юридической терминологии // Летопись занятий Археографической комиссии. 1861. Вып. 1. – СПб., 1862. – С. 58.

ную реакцией объекта уголовного законодательства XVIII столетия на меры государственного принуждения за совершенные преступления, так как целью наказания прежде всего было устрашение граждан¹.

Усложнение теории материального уголовного права XVIII в. приводит к усложнению структуры ряда специальных наименований. Формирующейся терминосистеме важно назвать не только вид (*гражданское наказание, телесное наказание, денежное наказание, смертное наказание, публичное наказание, денежный штраф, ссылка на галеру, на каторгу, в (каторжную) работу, на поселение*), но и меру наказания (*жестокое наказание, жесточайшая казнь, умеренная казнь, жестокий штраф, немалый штраф, тяжкий штраф, вечная ссылка, временная ссылка*). Многочисленные составные специальные наименования усложняют гипергипонимические отношения внутри формирующейся терминосистемы, образуют множество антонимических рядов.

Термины, называющие наказания, характеризуются развернутыми дериивационными отношениями внутри формирующейся терминосистемы, а также однотипными схемами реализации синтагматических связей.

Таким образом, в XVIII в. определился круг специальных наименований, называющих преступления и наказания, и сформировались принципы их функционирования в подъязыке уголовного права.

В заключении отражаются общие результаты исследования.

В XVIII столетии определяются основные тенденции развития подъязыка уголовного права: 1) тенденция к славянизации (окнижнению); 2) активное заимствование иноязычной лексики; 3) становление лексики уголовного права как терминологической системы.

Славянизацию русского юридического подъязыка первой половины XVIII века не всегда можно отличить от его полонизации (влияние не только непосредственно польского языка, но литературного и делового языка Юго-западной Руси) (ср. *преступление, злодейство, заарестование, штрафование*).

Функционирование иноязычных терминов в формирующейся системе наименований уголовного закона происходит по общему сценарию бытования заимствований в русском языке рассматриваемой эпохи. Данное явление в законодательных текстах стремится к абсолютности. В контексте

---

¹ Ср. «Сие чинить под таким страхом, что оной, кто ответствовать не будет, тот подлежать будет яко преступник указа и ослушатель разорению, наказанию и ссылке...» (Полное собрание законов... Т. V. - СПб., 1830. - С. 681); «...присылать <...> с подтверждением под страхом смертной казни сказки, в которых точно прописывать что в тех вотчинах воров <...> нет...» (Полное собрание законов... Т. XII. - СПб., 1830. - С. 215); «О скорейшем решении во всех местах колодничьих дел и о присылании в Экспедицию о колодниках в срочное время ведомостей под опасением взыскания штрафа» (Полное собрание законов... Т. XVI. - СПб., 1830. - С. 468).

рядом с заимствованием присутствует русское соответствие в качестве толкователя пришедшего слова. При этом подобный толкователь нередко становится полноправным членом формирующейся терминосистемы, являясь семантическим дублетом иноязычного наименования (ср. *процесс* – *суд*; *кригсрехт* – *воинский суд*; *эзекуция*, *штраф* – *наказание*, *казнь*; *дезертирование* – *побег*; *арест* – *взятие под стражу*; *сентенция* – *приговор* и др.).

Специальные наименования, созданные по славянским образцам, и иноязычные заимствования послужили основой для формирования терминосистемы уголовного права XVIII в.

Момент формирования терминологической системы характеризуется противодействием регулирующего воздействия номинируемой системы понятий и влияния лексико-семантической системы общепотребительного языка.

Воздействие системы понятий уголовного права XVIII в. определяет ряд ономаσιологических, семасиологических свойств специальных наименований, а также особенности их функционирования в законодательном тексте.

Специальные наименования уголовного права XVIII в. представляются терминологически мотивированными. Данное явление обеспечивает потенциально бесконечный набор ономаσιологических признаков, называющих процессуальный признак отношения к аномальному действию или действию, восстанавливающему норму (ср. глагольные основы с корневыми аффиксами *-иск-*, *-след-*, *-прос-*, *-пыт-*, *-арест-*, *-каз-*, *-вин-*, *-ступ-*, *-вор-*, *-мошен-*, *-сил-*, *-штраф-*, *эзекуц-*, *-сыл-* и др.), а также предельный набор ономаσιологических базисов, представляющих аномальное действие или действие, восстанавливающее норму, в виде целостного события или субстанции (ср. аффиксы: *-ни[j]-/-и[j]-/-ени[j]-*; *-ств-*; *-к-*) или выражающих субъектные отношения к аномальному действию или действию, восстанавливающему норму (*-чик-/ищик-*, *-тель-*). Соотношение подобных ономаσιологических признаков и базисов в структуре специального наименования формирует ономаσιологические категории двух общих типов: а) выражающих различные виды отношения к аномальному действию (*преступление*, *злодейство*, *мошенничество*, *преступник*, *взяточник*, *мошенник*) и б) выражающих различные виды отношения к действию, восстанавливающему норму (*обвинение*, *сыск*, *обыск*, *расправа*, *заключение*, *ссылка*, *улика*, *доказательство*, *следствие*, *арестование*, *казнь*, *шельмование*, *сыщик*, *обыщик*, *доказатель*, *докащик*, *следователь*).

Увеличивается количество составных специальных наименований, структура которых формируют ономаσιологические категории, осложненные значением охарактеризованности. Подобные наименования образуют развернутые гипер-гипонимические ряды (ср. *ссылка* – *ссылка на галерею*,

ссылка на каторгу, ссылка в (каторжную) работу, ссылка на поселение), антонимические пары (ср. *достоверное свидетельство* – *ложное свидетельство*). Актуализация роли составных специальных наименований в формирующейся терминосистеме объясняется усложнением теории процессуального и материального уголовного права XVIII столетия и, в связи с этим, необходимостью наиболее адекватного языкового отображения логического понятия.

Терминология уголовного права XVIII в., развивая деривационные отношения, реализует принцип семантической мотивированности: процессуальное действие – субъект, объект процессуального действия – процессуальный документ (ср. *обыск* – *обыщик* – *обыскные люди* – *обыскные речи*); аномальное действие – субъект аномального действия (ср. *бунт* – *бунтовщик*); действие, восстанавливающее норму – субъект, объект действия, восстанавливающего норму (ср. *наказание* – *наказатель*, *наказанный*) и др.

Наблюдается разрушение губительных для терминосистемы гипергипонимических (*розыск*, *сыск*, *воровать*, *воровство*, *вор*, *казнь*, *штраф*) и симулятивных связей (*привод*), организующих семантическую структуру специальных наименований уголовного права XVIII в. Симулятивная связь развивается и сохраняется лишь в тех случаях, когда терминосистема испытывает явный дефицит в наименованиях сходных понятий (*арест*, *обыск*). Подъязык уголовного права XVIII в. реализует принцип экономии языковых средств за счет развития регулярной полисемии, основанной на метонимических переносах, внутри семантической структуры терминов уголовного права.

Типизируется структура специального ЛЗ. Набор семантических признаков зависит от места номинируемого понятия в логической системе. Понятия «норма» и «аномальное действие» (или различные отношения к сущности данных понятий), на противопоставлении которых строится теория уголовного права, составляют родовую часть ядра ЛЗ термина уголовного права XVIII в., определяя гипер-гипонимические отношения адекватно логическим отношениям уголовного законодательства. Таким образом, выделяются родовые термины, структуру ЛЗ которых составляют только архисема (*розыск*, *доказательство*, *суд*, *преступление*, *наказание*) и видовые термины, структура ЛЗ которых осложняется дифференциальными семантическими признаками (*допрос*, *пристрастный допрос*, *признание*, *военный процесс*, *взятка*, *ссылка*).

Структура специального ЛЗ термина уголовного права XVIII в. характеризуется наличием нормативной оценки, зависимой от сущности номинируемого юридического понятия (*розыск*, *пытка*, *преступление*, *дезертирование*, *наказание*, *шельмование*); функциональной и стилистической маркированности, определяемой степенью терминологичности специального наименования (*следствие*, *арест*, *кригсрехт*, *доказательство*, *пре-*

ступление, воровство, наказание, конфискация); а также эмотивных сем, обусловленных эмоциональной реакцией объекта процессуального и материального уголовного закона на действия государства (*пытка, пристрастный допрос (распрос), наказание, казнь, экзекуция, шельмование, политическая смерть, ссылка*).

Теория уголовного права XVIII в. диктует гипер-гипонимические и партитивные отношения, пронизывающие всю терминосистему, определяя тем самым набор подсистем, терминологических единиц и соотношение между ними. Если родо-видовые отношения между терминологическими единицами являются фундаментом формирующейся системы, влияют на ее структуру, то партитивные отношения возникают за счет принципа семантической мотивированности каждого члена терминосистемы и реализуются как отношения элемента и системы. Таким образом, формирующаяся языковая модель теории (терминосистема) представляет собой множество терминологических единиц, образующих структуру, изначально заданную системой понятий области номинации.

Формализуются синтагматические связи специальных наименований уголовного права XVIII в.

Лексико-семантическая система общеупотребительного языка определяет наличие в формирующейся терминосистеме уголовного права XVIII в. общезыковых лексических связей, в той или иной степени противоречащих принципам построения терминологической системы.

Понятие уголовного права XVIII в. представлено целым рядом синонимических специальных наименований (ср. *розыск – следствие – исследование – сыск; улика – довод – привод – доказательство; суд – судопроизводство – расправа – процесс; преступление – воровство – злодейство; наказание – казнь – штраф – экзекуция*). Причинами множественности терминологических обозначений явились, во-первых, языковая синонимия, заимствование терминологической единицы возможностей лексической единицы общеупотребительного языка; во-вторых, сосуществование терминов различных исторических эпох; в-третьих, наличие параллельных заимствованных специальных наименований и их русских толкований.

Наличие сохраняющейся на протяжении столетия полисемии, основанной на гипер-гипонимических отношениях (ср. *розыск, штраф, казнь*).

Подъязык уголовного права XVIII века – это динамично развивающаяся (формирующаяся) функционально самостоятельная система специальных наименований. Принципы формирования данной системы преимущественно определяются уже не лексико-семантической системой общенародного языка, а логическими связями и отношениями между элементами понятийной системы, то есть система специальных наименований уголовного права XVIII века – это формирующаяся терминосистема, что является качественно новым этапом развития подъязыка российского права. В целом

подъязык законодательства XVIII века стал той базой, которая определила развитие юридического подъязыка на долгие годы вперед, во многом вплоть до 1917 г.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

1. Голиков, Л.М. Многозначность специальных наименований уголовного права XVIII в. как свойство формирующейся терминосистемы /Л.М. Голиков // Вестник Поморского университета. – 2007. - №5. – С. 101 – 105. (Реестр ВАК Минобрнауки РФ).
2. Голиков, Л.М. Развитие специального подъязыка уголовного права XVIII в. / Л.М. Голиков // Актуальные проблемы гуманитарного познания: сб. научн. тр. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. – С. 67 – 76.
3. Голиков, Л.М. Структура лексического значения термина уголовного права XVIII века / Л.М. Голиков // Материалы II Всероссийской научной конференции «Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XIX» 17 – 20 октября 2006 г. – СПб.: Наука, 2006. – С. 72 – 76.
4. Голиков, Л.М. Деривационные процессы в терминосистеме специального подъязыка уголовного права XVIII в. / Л.М. Голиков // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи: сб. статей. – Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006. – 106 – 112.
5. Голиков, Л.М. Юридическая лексика в русском языке XVIII века (наименование уголовно-процессуальных действий по собиранию доказательств) / Л.М. Голиков // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии. Материалы Всероссийской школы семинара. – СПб.: Наука, 2005. – С.80 – 86.
6. Голиков, Л.М. Наименования участников уголовного процесса в русском языке конца XVII – XVIII вв. / Л.М. Голиков // Русское слово в историческом контексте (XIV-XIX века). Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXIV Международной филологической конференции, проходившей на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета 14-17 марта 2005 года. – СПб.: Наука, 2005. – С. 68 – 75.

Подписано в печать 04.03.2008. Тираж 120 экз.
Отпечатано: РИО ВПТЭ ФСИН России.
160002 г. Вологда, ул. Щетинина, 2А.

7/12